

Ван Чжао закатил глаза. Хорошие новости от Фейсли подняли настроение и Ань Фану.

Еще не дойдя до студии, они услышали шум изнутри. Внутри сновали туда-сюда ассистенты. Ван Чжао нахмурился:

— Что происходит?

Но, войдя внутрь, они сразу поняли.

Шао Исинь стояла в центре студии, высокомерно и с отвращением наблюдая, как ассистент протирал ее стул спиртом. Ее агент сказал:

— Вытирай тщательнее, не испачкай одежду Исинь.

Вся эта мебель была предоставлена студией. Несколько европейцев стояли в стороне, видимо, не привыкшие к такому поведению.

Ван Чжао, войдя, усмехнулся. Что за прихоть у Го Лифэй, заставлять свою артистку вести себя как звезда в студии? Хотя Шао Исинь и была из хорошей семьи, каждая сфера имеет свои правила, и ее поведение было неуместным.

— Извините, можно пройти?

Ань Фан и Ван Чжао посторонились, увидев двух мужчин, несущих кресло. Это было нечто. Видимо, его привезли из их фургона.

Когда кресло поставили на пол, Шао Исинь, наконец, немного успокоилась. Го Лифэй заискивающе улыбалась:

— Исинь, не злись, мы привезли тебе твое кресло.

Шао Исинь холодно посмотрела на нее. Несколько европейцев недовольно обсуждали ситуацию, но Шао Исинь была абсолютно равнодушна.

Ань Фан усмехнулся.

Ван Чжао:

— Сама себя губит. Покажи себя хорошо, чтобы они не думали, что все наши звезды такие.

Эти слова были излишними. Ань Фан и сам понимал.

Актеры из Хуаго часто оставляли у зарубежных медиа впечатление небрежности и звездной болезни. Именно из-за таких, как Шао Исинь, складывалось негативное мнение.

Ань Фан вошел внутрь. Шао Исинь, конечно, заметила его. Возможно, после инцидента в доме И Хуай, она была на взводе, но сдержалась. Возможно, были другие причины.

Шао Исинь подписала контракт на роль амбассадора декоративной косметики Фейнос, а Ань Фан был амбассадором всей линейки. Они должны были сниматься вместе. Хотя обе стороны ненавидели друг друга, никто не собирался отказываться от сотрудничества.

Шао Исинь была главной героиней в рекламе косметики, и, несмотря на ее изначальное поведение, никто ничего не сказал. Через некоторое время пришел фотограф.

Стилист подготовил для Шао Исинь три костюма: классическое черное пышное платье, черно-белый костюм и золотое вечернее платье с открытой спиной. Для Ань Фана выбрали самый простой, но классический образ: черные брюки, белую рубашку и туфли в английском стиле с золотыми акцентами.

Шао Исинь вышла в своем наряде. Ее фигура была безупречна, а черное пышное платье с белыми перчатками придавало ей классический шарм. Ее восточная внешность добавляла особую изюминку.

Европейцы, которые до этого недовольно обсуждали ее поведение, теперь были покорены ее красотой.

К сожалению, эта прекрасная леди была далека от своего внешнего вида.

— Меня просто тошнит от мысли, что мне придется сниматься с тобой в этой рекламе, — выпалила она.

— Никто тебя не заставляет. Можешь отказаться, — парировал Ань Фан.

— Ни за что! — Шао Исинь покраснела от злости, ее пальцы дрожали.

Ань Фан усмехнулся, явно не воспринимая ее всерьез, что только разозлило Шао Исинь еще больше. Но она не собиралась действовать импульсивно. Это было частью плана, который она обсудила с другим человеком. Она должна была сдержаться...

Одежда Ань Фана была простой, и он быстро переоделся. Выйдя, он произвел не меньшее впечатление, чем Шао Исинь. Даже в самом простом наряде он выглядел совершенно иначе.

Стилист, увидев их обоих, хлопнул в ладоши:

— Perfect, идеально!

Фотограф тоже был доволен. Они направились к специально подготовленной площадке для съемок.

Шао Исинь никогда раньше не снимала рекламу, но роскошь была для нее привычной средой. Она знала каждую деталь: помады, духи, аксессуары — все это подчеркивало ее аристократический шарм.

Первая серия фотографий была сделана быстро. Шао Исинь была прекрасна, а с макияжем выглядела еще более ослепительно. Эта реклама помады была сосредоточена на ней, а Ань Фан играл второстепенную роль.

Они стояли рядом перед камерой. По требованиям съемки, Ань Фан и Шао Исинь должны были находиться близко друг к другу, что вызывало у нее раздражение. Ань Фан тоже не хотел прикасаться к ней, но его умение работать с камерой позволяло ему каждый раз находить нужный ракурс, не касаясь Шао Исинь, но создавая иллюзию близости.

Затем началась съемка другой серии.

Фотограф, который до этого активно хлопал в ладоши, стал еще более одержимым. Когда Ань Фан собрался уходить, он резко схватил его за воротник рубашки, и ткань с треском разорвалась...

Звук разрыва ткани эхом разнесся по студии. Ван Чжао, который разговаривал по телефону, услышав это, резко обернулся. Ань Фан стоял в центре студии, его рубашка была разорвана, обнажая кожу под ней. Это выглядело соблазнительно, но Ван Чжао видел не соблазн, а смерть.

Он взорвался:

— Какого черта кто-то посмел разорвать на тебе одежду!

Если бы это увидел И Хуай, ему бы конец! Ван Чжао, в панике, бросил телефон и бросился к Ань Фану.

Директор, схватив Ван Чжао, заговорил на ломаном китайском:

— Успокойтесь, успокойтесь! Роберт не хотел ничего плохого, это было нужно для съемок!

— Для съемок нужно рвать одежду?! Вы не получили нашего согласия, это уже граничит с непристойностью! — Ван Чжао был готов броситься на фотографа, но директор удерживал его.

— Бросьте, успокойтесь! Это один из лучших фотографов в мире, его невозможно просто так заполнить. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие! — уговаривал директор.

Фотограф, однако, не обращал внимания на происходящее. Он был полностью поглощен работой. Увидев обнаженную кожу Ань Фана, его глаза загорелись:

— Помада!

Визажист подал ему помаду.

Действия фотографа были неожиданными, но Ань Фан мог это принять. Он знал, что некоторые фотографы в поисках нужного настроения могут делать странные вещи. Уважая профессионализм фотографа и желая получить хороший результат, Ань Фан не сопротивлялся.

Фотограф взял Ань Фана за подбородок и нанес помаду на его губы. Губы Ань Фана и так были яркими, а с помадой он выглядел еще более соблазнительно. Фотограф взял салфетку и размазал помаду по уголку его рта, создавая образ распутного мужчины, только что проснувшегося после бурной ночи.

Помада не остановилась на губах. Яркий цвет скользнул по уголку рта Ань Фана к груди, минуя участки кожи, скрытые под тканью, и мягко спустился вниз, словно художник, создающий шедевр на теле Ань Фана. Движения фотографа становились все более уверенными, и никто не чувствовал себя неловко. Напротив, все заворуженно следили за его действиями. Кто-то даже сглотнул — тело Ань Фана было слишком красивым.

— Нужно ли мне размазать это? — спросил фотограф, закончив наносить помаду.

[Нет авторских примечаний для этой главы.]

<http://bllate.org/book/16314/1472565>